

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

На правах рукописи

Диваев Александр Борисович

**Эффективность
уголовно-процессуального
воздействия**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

*Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук*

Омск 2026

Работа выполнена на кафедре уголовного процесса и прокурорского надзора федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Байкальский государственный университет» (г. Иркутск).

Научный консультант:

Никопук Вячеслав Владимирович, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5 федерального государственного казенного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Москва)

Официальные оппоненты:

Азаров Владимир Александрович, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»;

Даровских Ольга Игоревна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»;

Тарасов Александр Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уфимский университет науки и технологий»

Ведущая организация:

федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Москва)

Защита состоится 19 июня 2026 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета 03.2.010.01, созданного на базе федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская орден Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» по адресу: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, зал заседаний ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская орден Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (<http://www.omamvd.ru/diss/>).

Автореферат разослан «___» марта 2026 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат юридических наук, доцент

Ларин Евгений Геннадьевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Социальная природа государства и права очевидна. Она проявляется не только в истоках этих институтов, но и в том постоянном взаимодействии, которое характеризует процесс их сосуществования с социумом. Неучет этого фактора на протяжении определенной исторической дистанции, как показывает практика, может приводить к самым тяжелым социальным последствиям.

Общественный слом, который произошел в начале 1990-х гг. в нашей стране, — яркий тому пример. Именно он обнажил целые пласты сформировавшихся к тому времени и объективно нуждающихся в правовой регламентации общественных отношений, которые право либо вовсе игнорировало, либо если и регламентировало их, то делало это формально, нормативами, не соответствовавшими реалиям социальной среды. Данное обстоятельство вынудило законодателя проводить «массированную» и оттого зачастую поспешную модернизацию системы нормативно-правовых актов, во многом руководствуясь в этом методом проб и ошибок, что не могло не сказаться как на качестве самого нормативного материала, так и на результатах правовой деятельности, направленной на реализацию этих столь несовершенных с позиции сегодняшнего дня норм.

Однако период экстенсивной модернизации законодательства, характеризовавший последние три десятилетия жизни нашего государства, в целом постепенно подходит к своему завершению, и хочется надеяться, что на смену ему приходит длительный и не менее сложный этап поступательного развития права, предъявляющий совершенно иные требования и к законодателю, и к адресату его правовых предписаний. Государству и обществу сейчас нужен не просто закон, а качественный закон, закон, отражающий социальные потребности и интересы, способный не только *эффективно* регламентировать правовую деятельность, что важно само по себе, но и оказывать *эффективное* воздействие на общественные отношения в целом, быть катализатором их развития.

Между тем, как показывает анализ уголовно-процессуального законодательства, в данной сфере период проб и ошибок еще далек от своего завершения. Чтобы убедиться в этом, достаточно указать хотя бы на тот факт, что основной нормативно-правовой акт, регламентирующий уголовно-процессуальные отношения, — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. (далее — УПК РФ)¹, является едва ли не самым нестабиль-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ным кодифицированным нормативным актом нашей страны. С момента принятия в него изменения вносились более 260 (!) раз. Для сравнения: за весь период действия УПК РСФСР 1960 г. (а он составил более 40 лет) было подготовлено менее 100 редакций этого нормативно-правового акта. Причем до 1991 года, т. е. за более чем 30 лет его действия, было принято всего 32 закона, внесших поправки в этот кодекс. Остальные изменения УПК РСФСР 1960 г. произошли уже после распада СССР, как раз в период формирования современной правовой системы нашей страны.

Показателен и характер изменений УПК РФ: многие из них носят концептуальный, сущностный характер, зачастую идя вразрез с той идеологической основой, которая когда-то закладывалась в его положения, что оказывает самое негативное влияние на целостность уголовно-процессуального закона, непоследовательность, «идейная эклектичность» которого отмечена многими исследователями¹. Данное обстоятельство не позволяет отнести этот кодекс к числу законодательных актов, способных оказывать эффективное уголовно-процессуальное воздействие.

Сама по себе категория «эффективность» не нова ни для правовой науки в целом, ни для теории уголовного процесса в частности. В уголовно-процессуальной доктрине разных лет велась научная дискуссия об эффективности уголовного процесса и его производств, эффективности уголовного судопроизводства и его отдельных стадий, эффективности отдельных видов уголовно-процессуальной деятельности, эффективности уголовно-процессуального закона и уголовно-процессуального законодательства и пр. Каждая из работ, посвященных этой проблематике, оставила след в науке, внося вклад в исследование столь методологически сложной для познания категории.

В связи с правовыми проблемами эффективности не могут быть проигнорированы и многочисленные работы специалистов по общей теории права. Особенно нужно отметить труды советских правоведов 60-х — 80-х гг. XX в.

Несмотря на достаточное количество научных исследований, многие аспекты уголовно-процессуальной эффективности до сих пор не получили должного освещения в уголовно-процессуальной доктрине. Главной проблемой является их традиционно односторонний характер, когда за основу изучения эффективности берется исключительно формальный результат правового регулирования, осуществляемого той или иной уголовно-процессуальной нормой или их группой, без учета того общесоциального «эффекта», который они оказывают в процессе функционирования. Соответственно, этот срез эффективности воздействия, оказываемого уголовно-процессуальным правом, остается за пределами внимания исследователя.

¹ Победкин А. В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства. М., 2024. С. 9.

Учет общесоциального аспекта уголовно-процессуального воздействия автоматически ставит ряд важнейших, но до настоящего времени недостаточно изученных вопросов о социальной природе уголовно-процессуального права; о цели уголовно-процессуального воздействия как критерии его эффективности; о закономерностях целеполагания в сфере уголовно-процессуального воздействия; о социальной функции уголовного процесса и ее соотношении с целью уголовно-процессуального воздействия, о механизме и формах этого воздействия; о существовании его эффективности и определении понятия «уголовно-процессуальное воздействие» как целостной категории, включающей в себя и формально-правовую, и общесоциальную составляющие; о снижающих ее факторах и средствах устранения или минимизации их влияния на эффективность уголовно-процессуального воздействия.

Эти и многие другие соображения обуславливают актуальность представленного диссертационного исследования, в основе которого лежит теоретико-правовой анализ категории «эффективность уголовно-процессуального воздействия», произведенный сквозь призму эффективности специально-юридических и общесоциальных форм воздействия, оказываемого уголовно-процессуальным правом как на предмет своего регулирования и охраны, так и на всю систему общественных отношений в целом.

Степень научной разработанности темы. Вопросы, поставленные перед настоящим исследованием, несмотря на их оригинальность, в тех или иных их аспектах ранее затрагивались и в трудах специалистов в области общей теории права, и в работах ученых-процессуалистов.

Безусловно, в первую очередь в этой связи необходимо упомянуть о таких исследователях уголовного процесса, как В. А. Азаров, Л. Б. Алексеева, А. Ю. Астафьев, С. В. Бажанов, А. С. Бахта, Д. В. Богатский, А. Д. Бойков, Л. А. Воскобитова, Я. А. Вилдерс, Б. Я. Гаврилов, И. В. Губенок, А. П. Гуляев, А. Х. Давлетшин, О. И. Даровских, Ю. В. Деришев, А. Я. Дубинский, З. З. Зинатуллин, В. И. Каминская, А. М. Ларин, С. С. Левин, И. А. Либус, П. А. Lupинская, М. Ф. Маликов, А. И. Михайлов, И. Б. Михайловская, Б. А. Митийченко, Т. Г. Морщакова, В. В. Николюк, Е. П. Остапенко, П. Ф. Пашкевич, И. Л. Петрухин, А. В. Победкин, М. П. Поляков, Н. Н. Полянский, А. П. Попов, И. Г. Смирнова, И. В. Смолькова, А. Ю. Смолин, М. С. Строгович, А. А. Тарасов, В. Т. Томин, Ф. Н. Фаткуллин, Ю. В. Францифоров, К. Ю. Хамуллин, А. Д. Чулюкин, Г. М. Шафир.

Учитывая социально-правовую направленность данного диссертационного исследования, среди трудов указанных ученых особо стоит обратить внимание на сравнительно недавние диссертационные работы И. Г. Смирновой («Социальная ценность уголовного процесса», Томск, 2012 г.) и О. И. Даровских («Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности», Челябинск,

2022 г.), в которых были непосредственно затронуты проблемы, составляющие часть его объекта. В то же время нельзя не отметить, что эти вопросы рассматривались с несколько иных позиций, нежели в представленной диссертации. В частности, И. Г. Смирнова социальные основы уголовного процесса исследовала с точки зрения его ценности как средства упорядочивания взаимодействия трех социальных субъектов (акторов¹) — человека, общества и государства, что само по себе явилось достаточно новым взглядом на традиционную проблему соотношения частных и публичных интересов в уголовном процессе.

О. И. Даровских непосредственно обратилась к проблеме эффективности в уголовном процессе, сформулировав ряд важных выводов относительно «эффективности уголовно-процессуальной деятельности». Согласно авторской концепции, ее критериями являются справедливость, качественность, доступность, экономичность, своевременность, достаточность, объективность и результативность уголовно-процессуальной деятельности. При этом исследование О. И. Даровских, объектом которого является «система используемых в уголовном судопроизводстве средств, обеспечивающих эффективное уголовное судопроизводство... и уголовно-процессуальная деятельность, в рамках которой данные правовые средства применяются»², имеет традиционные методологические основы, рассматривая эффективность с формально-правовой стороны, с точки зрения оценки результатов уголовно-процессуальной деятельности.

Проблемы правовой эффективности на протяжении уже более чем полутора сотен лет являются предметом пристального внимания и представителей общетеоретической правовой науки, которые были пионерами в изучении этой проблематики. Анализируя степень научной разработанности темы диссертации, нельзя не сказать как о работах ученых дореволюционной школы права (Ю. С. Гамбаров, Н. А. Градескул, Б. А. Кистяковский, К. М. Коркунов, С. А. Муромцев) и советских исследователей (С. С. Алексеев, М. И. Байтин, Е. Л. Бонк, А. Н. Величко, В. В. Глазырин, И. Я. Дюрягин, В. Н. Кудрявцев, В. В. Лазарев, А. Е. Лунев, В. И. Никитинский, Л. Н. Павловская, Л. С. Пашков, И. Н. Петров, В. Ф. Прозоров, П. М. Рабинович, И. С. Самощенко, Д. С. Чечет, Е. П. Шикин, С. А. Шлыков и др.), так и о трудах специалистов в области современной теории права (А. А. Абрамова, М. И. Гильмутдинова, С. А. Жинкин, А. А. Зелепукин, В. В. Лапаева,

¹ Актер (от лат. actor) — в социологии: индивидуальный или коллективный субъект, совершающий целенаправленную деятельность в отношении других субъектов, носитель социальной роли.

² Даровских О. И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2022. 538 с.

А. А. Максуров, Е. А. Мамай, Ю. В. Оносов, А. В. Поляков, С. И. Пунченко, О. В. Хусаинова, И. Л. Честнов).

Специфический характер избранного направления познания эффективности уголовно-процессуального воздействия предопределил необходимость глубокого изучения таких категорий, как «цель» и «социальный конфликт» в их уголовно-процессуальном преломлении, которые также были предметом пристального внимания теории уголовного процесса, что в особенности характеризует проблему определения «цели» в уголовном процессе, которая относится к одной из самых востребованных наукой.

Данная категория подвергалась глубокому научному осмыслению еще в дореволюционный период развития уголовно-процессуальной доктрины (Я. И. Баршев, И. Г. Василенко, С. И. Викторский, П. И. Люблинский, И. Я. Михайловский, В. К. Случевский, И. Я. Фойницкий и др.).

Дальнейшее развитие научной теории о феномене цели в уголовном процессе было связано с советской уголовно-процессуальной теорией. Среди авторов, занимавшихся этой проблематикой, наиболее заметны работы Т. Н. Добровольской, Н. Н. Полянского, М. С. Строговича, В. Т. Томина, М. А. Чельцова, П. С. Элькинд и др.

Однако по-настоящему востребованной эта проблематика стала вместе с введением в действие нынешнего уголовно-процессуального закона. В последние два десятилетия в этой сфере уголовно-процессуальной науки появились исследования за авторством А. В. Агутина, А. Е. Адаменко, Н. В. Азаренка, Д. М. Беровой, Л. А. Воскобитовой, Л. М. Володиной, Ю. В. Козубенко, А. А. Козявина, П. А. Лупинской, Г. А. Печникова, А. П. Попова и др.

Несмотря на популярность феномена цели в теории уголовного процесса, в диссертации, как представляется, удалось сформулировать свой оригинальный подход к его пониманию и исследовать цель в качестве критерия эффективности уголовно-процессуального воздействия, сформулировав ее содержание и закономерности процесса целеполагания.

Наконец, категория «социальный конфликт», или в контексте исследования — «уголовно-процессуальный конфликт», также не нова для уголовно-процессуальной науки. В то же время в сравнении с феноменом цели это явление менее востребовано теорией уголовного процесса. В этой связи можно выделить, пожалуй, только работы О. А. Баева, Н. А. Баевой, Л. В. Головки, С. В. Гороховой, М. А. Жидкова, Н. Ю. Лебедева, Ю. В. Францифорова.

Несмотря на достаточно представительный круг исследователей, изучавших те или иные аспекты проблем эффективности в уголовном процессе и значимость работ каждого из них, многие теоретические и практические проблемы не получили должной доктринальной разработки, что обусловило необходимость данного диссертационного исследования.

Объект и предмет исследования. *Объектом* диссертационного исследования является система общественных отношений, подвергаемых специально-юридическому и общесоциальному воздействию со стороны норм уголовно-процессуального права.

Его *предмет* — действующее уголовно-процессуальное законодательство, судебно-следственная практика, отраженная в материалах уголовных дел, постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, судебных решениях по уголовным делам, массив пояснительных материалов к законопроектам о внесении изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство, данные официальной судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, результаты интервьюирования судей и сотрудников правоохранительных органов, а также теоретические научные положения по теме исследования.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в разработке концептуальных основ эффективного функционирования механизма уголовно-процессуального воздействия.

Достижение поставленной перед диссертационным исследованием цели подчинено необходимости постановки и решения следующих его **задач**:

1) дать обобщенный анализ развития и современного состояния научной мысли относительно категории «правовая эффективность» в ее общеправовом и специальном уголовно-процессуальном контексте;

2) определить понятие, содержание, критерии и теоретические основы эффективности уголовно-процессуального воздействия, сведя их в упорядоченную систему доктринальных закономерностей;

3) охарактеризовать категорию «цель» как феномен уголовно-процессуальной науки;

4) выявить закономерности уголовно-процессуального целеполагания;

5) сформулировать и обосновать формирование бесконфликтной социальной среды как цели уголовно-процессуального воздействия, характеризующей современное уголовно-процессуальное право России;

6) охарактеризовать социальную функцию уголовного процесса и соотнести ее с современной целью уголовно-процессуального права России;

7) разграничить категории «правовое воздействие» и «правовое регулирование» применительно к уголовно-процессуальному праву;

8) установить предмет и формы специально-юридического и общесоциального воздействия, оказываемого уголовно-процессуальным правом;

9) разработать критерии научно обоснованного прогноза развития уголовно-процессуального законодательства;

10) обосновать утверждение, что уголовно-процессуальный конфликт является социальной основой существования уголовного процесса антиконфликтного типа;

11) определить понятие уголовно-процессуального макро- и микроконфликта, их структуру и динамику;

12) охарактеризовать внешнюю и внутреннюю сторону уголовно-процессуального конфликта в качестве его конфликтогенных факторов, способы и средства противодействия им.

Теоретическая основа диссертационного исследования представлена широким кругом научных работ не только по уголовному процессу, но и по общей теории права, иным отраслевым правовым наукам, а также философии, социологии, конфликтологии и теории управления за авторством дореволюционных русских, советских, современных российских и зарубежных исследователей.

Научная новизна исследования состоит в разработке концепции эффективности уголовно-процессуального воздействия как системы научно обоснованных положений, позволяющих оценить соответствие результатов правового и общесоциального воздействия, оказываемого уголовно-процессуальным правом на определенные группы общественных отношений, исходя из единого критерия — цели такого воздействия.

В ходе формирования данной концепции:

- аргументировано преимущество феноменологического подхода к изучению эффективности уголовно-процессуального воздействия перед онтологическим подходом;

- установлено, что эффективность уголовно-процессуального воздействия, выражаемая в совокупности формально-юридической (правовой) и общесоциальной эффективности, единственным критерием имеет цель такого воздействия;

- сформулированы закономерности целеполагания в уголовном процессе, понятие и содержание антиконфликтной цели уголовно-процессуального воздействия как единственно возможной на современном этапе общественного развития;

- структурирован предмет уголовно-процессуального воздействия;

- выявлены формы и сущность специально-юридического и общесоциального воздействия, оказываемого уголовно-процессуальным правом на соответствующие элементы его предмета;

- дано понятие уголовно-процессуального конфликта макро- и микроуровня как разновидности социального конфликта, проведен его структурный и динамический анализ;

- интерпретирована внешняя сторона уголовно-процессуальных конфликтов, установлен состав его акторов, рассмотрены их социальные и правовые признаки;

- изучена внутренняя сторона уголовно-процессуальных конфликтов микро- и макроуровней, элементы которой являются одновременно их конфликтогенными факторами.

Теоретическая значимость работы определяется сформулированными в ней положениями, которые впервые на доктринальном уровне позволили рассмотреть категорию «эффективность уголовно-процессуального воздействия» как комплексную категорию, включающую в себя оценку правовой и общесоциальной эффективности воздействия, оказываемого уголовно-процессуальным правом. Это дает возможность избавиться от одностороннего формального подхода в оценке эффективности уголовно-процессуального права, когда за основу берется оценка исключительно правовых результатов реализации его норм, и познать не только формальную сторону эффективности уголовно-процессуального воздействия, но и общественную полезность той или иной нормы уголовно-процессуального права, а также прогнозировать последствия ее введения в действие.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанные в ней рекомендации и предложения могут быть использованы в законопроектной деятельности как основа для формулирования цели законопроекта и прогнозирования последствий его применения на уровне закона.

Кроме того, положения диссертационного исследования могут рассматриваться в качестве методологической основы для толкования и применения норм уголовно-процессуального права в потенциально или реально конфликтной ситуации, позволяя правоприменителю задействовать весь спектр антиконфликтных уголовно-процессуальных средств.

В сфере профессионального юридического образования теоретические положения и практические рекомендации, сформулированные в исследовании, могут быть использованы при подготовке учебной и учебно-методической литературы, преподавании курсов «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)» и «Уголовный процесс», специальных дисциплин, а также курсов повышения квалификации судей, адвокатов и сотрудников правоохранительных органов.

Методология и методы исследования. В основе методологии представленного исследования лежит всеобщий метод материалистической диалектики, который позволил познать его объект как объективную категорию в развитии и взаимосвязи с другими правовыми и общесоциальными явлениями.

В ходе исследования, в зависимости от решаемой задачи, нами применялся комплекс общенаучных методов в их правовом преломлении: анализ и синтез, системный метод, метод структурного исследования, исторический, логический, социологический методы. Они дали возможность познать объект данной диссертационной работы, ядро которой представлено такими категориями, как «эффективность», «правовой механизм», «уголовно-процессуальное воздействие», «цель», «уголовно-процессуальный конфликт»:

— с точки зрения развития научных представлений о них;

— в качестве элементов системы функционирования уголовно-процессуального права;

— как системных явлений, имеющих внутреннюю структуру;

— как функциональных и функционирующих явлений.

В ходе проведения исследования, кроме общенаучных, использовались и частнонаучные методы, как то: формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод толкования и интерпретации правовых норм, метод правового моделирования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Совокупность практически обоснованных, находящихся в системном единстве теоретических положений, являющихся основой для проведения феноменологических исследований уголовно-процессуального права, его отдельных институтов и норм, позволяет определить эффективность уголовно-процессуального воздействия как модификацию общественной среды, осуществляемую посредством уголовно-процессуального права (его норм, институтов) с целью достижения определенного правового и общесоциального результата.

2. Методика оценки эффективности уголовно-процессуального воздействия предполагает учет следующих положений:

— оценке подлежит эффективность операции, но не эффективность системы, а поэтому методологически ошибочно говорить об эффективности уголовно-процессуального права; эффективным или неэффективным может быть исключительно акт его реализации, посредством которого данная отрасль права, ее институты и нормы воздействуют на общественные связи;

— уголовно-процессуальное право (функционирующая система) оказывает целенаправленное воздействие на разные группы общественных отношений, непосредственно влияя на поведение субъектов уголовно-процессуального права, осуществляющих реализацию его предписаний, и опосредованно — на поведение иных социальных акторов (государство, общество, социальные группы);

— совокупная эффективность уголовно-процессуального воздействия определяется путем сложения результата непосредственного воздействия норм и институтов уголовно-процессуального права на систему отношений, составляющих его отраслевой предмет (формально-юридическая эффективность) и того социально полезного результата, который был достигнут в итоге реализации уголовно-процессуальных нормативных предписаний (общесоциальная эффективность уголовно-процессуального воздействия);

— цель уголовно-процессуального воздействия является критерием его эффективности, степень которой находится в прямой зависимости от того, насколько она реализована;

— оптимизация средств уголовно-процессуального воздействия (норм и институтов уголовно-процессуального права, а также практики их применения) не является его целью; в качестве таковой необходимо рассматривать совершенствование социальной среды, подверженной уголовно-процессуальному воздействию;

— оптимальность уголовно-процессуальных средств воздействия (норм и институтов уголовно-процессуального права) — это условие, но не характеристика акта уголовно-процессуального воздействия, т. е. процесса функционирования этих средств.

3. Имманентно присущая уголовно-процессуальному праву способность оказывать одновременное влияние как на отношения, составляющие его отраслевой предмет, так и на иные группы общественных связей позволяет констатировать, что традиционный термин «правовое регулирование», используемый для обозначения механизма действия права, недостаточен и односторонен. Наиболее точно природу уголовно-процессуального механизма выражает категория «правовое воздействие», которая вбирает в себя его как специально-юридические, так и общесоциальные формы.

4. Субъективный характер правового целеполагания позволяет сделать вывод о том, что сама постановка вопроса о «цели» уголовного процесса или уголовного судопроизводства методологически ошибочна. Наличием цели может характеризоваться исключительно уголовно-процессуальное воздействие, осуществляемое посредством реализации правовых предписаний, содержащихся в нормах уголовно-процессуального законодательства. Ни уголовный процесс, ни уголовное судопроизводство как явления объективные не могут иметь цели, им присуща исключительно социальная функция, которая производна от причин, вызвавших появление и существование особого сегмента общественных отношений, в настоящее именуемого уголовным процессом.

5. Процесс правообразования в уголовно-процессуальной сфере представляет собой последовательность этапов (стадий), результатом чего становится появление новой или усовершенствованной нормы уголовно-процессуального закона. Его стадиями являются: 1) формирование потребности в уголовно-процессуальном воздействии на существующие общественные отношения, не подвергнутые ему, но объективно нуждающиеся в этом, или в совершенствовании такого воздействия, а равно в учреждении ранее не существовавших общественных отношений; 2) осознание данной потребности частью социума или его отдельными представителями; 3) распространение идеи о необходимости модификации общественной среды уголовно-процессуальными средствами на общесоциальный уровень или, по крайней мере, значительную часть социума; 4) кристаллизация цели уголовно-процессуального воздействия; 5) доведение ее до законодателя или

восприятие им этой цели; 6) принятие уголовно-процессуальной нормы или внесение изменений и (или) дополнений в существующую норму.

6. Объективная природа уголовного процесса позволяет рассматривать его социальную функцию как константу, не зависящую от типа уголовного процесса и исторического периода его существования. Содержание социальной функции уголовного процесса детерминировано трансформацией естественной потребности личности и общества в обеспечении взаимной безопасности в социальную потребность обеспечения легитимности акта привлечения к уголовной ответственности и освобождения от нее. В таком контексте уголовный процесс необходимо рассматривать как средство удовлетворения этой социальной потребности, что и является его социальной функцией.

7. Содержание цели уголовно-процессуального воздействия носит переменный характер, изменяясь вместе с развитием общества и государства. Соответственно, познанию может быть подвергнута либо цель уголовно-процессуального воздействия, которая отражает потребности современных исследователю государства и общества, либо цель уголовно-процессуального воздействия, характеризовавшая их в прошлом. Цель уголовно-процессуального воздействия, которая может соответствовать потенциальным потребностям государства и общества в будущем, может быть лишь спрогнозирована.

8. Учитывая двойственную сущность уголовно-процессуального воздействия (специально-юридическое и общесоциальное воздействие), его цель также надлежит рассматривать в двух аспектах — правовом и социальном. Социальная составляющая цели уголовно-процессуального воздействия является прямым отражением общественной природы уголовно-процессуального права как средства компромиссного воздействия на социальный конфликт. Отсюда цель уголовно-процессуального воздействия заключается в формировании бесконфликтной социальной среды посредством обеспечения пропорциональности уголовно-процессуальных средств отстаивания интересов личности, общества и государства, реализуемых в сфере уголовно-процессуальных отношений.

9. Для максимально точной реализации цели уголовно-процессуального воздействия, обеспечения полного соответствия ей уголовно-процессуальной деятельности суда, прокурора, следователя, дознавателя она должна быть «опредмечена» посредством нормативного закрепления задач уголовно-процессуальной деятельности, которые заключаются в: 1) возбуждении, расследовании, рассмотрении и разрешении уголовного дела в порядке, определенном законом, с тем чтобы виновные в совершении преступления были обоснованно привлечены к уголовной ответственности и понесли законное и справедливое наказание, а невиновные — освобождены от уголовной

ответственности и уголовного наказания; 2) охране прав, свобод и законных интересов личности, а также реабилитации каждого невинного и иного лица, имеющего право на реабилитацию в соответствии с законом.

10. Юридическое прогнозирование — специальное средство, обеспечивающее процесс правового целеполагания в сфере уголовно-процессуального воздействия и его эффективность. Результат прогностической деятельности — прогноз развития уголовно-процессуального законодательства — должен отвечать требованиям: 1) стратегичности; 2) концептуальности; 3) объективной обусловленности; 4) реалистичности; 5) системности; 6) результативности.

11. Комплексная природа уголовно-процессуального воздействия предопределяет структуру его предмета. Исходя из того, что уголовно-процессуальное воздействие осуществляется в специально-юридических и общесоциальных формах, предмет уголовно-процессуального воздействия в качестве подсистем включает в себя 1) предмет специально-юридического воздействия и 2) предмет общесоциального воздействия.

12. Предмет специально-юридического уголовно-процессуального воздействия представлен исключительно совокупностью общественных отношений по возбуждению, расследованию, рассмотрению, разрешению уголовного дела, исполнению приговора и связанных с ними отношений, непосредственно регулируемых и охраняемых нормами уголовно-процессуального права (собственно уголовно-процессуальные отношения). Природа этих отношений позволяет классифицировать их на две группы: 1) «легализованные» государством фундаментальные уголовно-процессуальные отношения, существовавшие в догосударственном состоянии общества, наличие которых впоследствии обусловило появление уголовного процесса как социально-правового явления и 2) объективно обусловленные уголовно-процессуальные отношения, учреждаемые государством, возникновение которых возможно исключительно по воле законодателя.

13. Предмет общесоциального уголовно-процессуального воздействия — совокупность общественных отношений, которые подвергаются управленческому воздействию со стороны уголовно-процессуального права. В их число входят как сами уголовно-процессуальные отношения, на которые уголовно-процессуальное право оказывает непосредственное управленческое воздействие — микроуровневое уголовно-процессуальное воздействие, так и комплекс иных общественных связей, отличных от уголовно-процессуальных отношений, модифицируемых уголовно-процессуальным правом опосредованно — макроуровневое уголовно-процессуальное воздействие.

14. Объектом общесоциального уголовно-процессуального воздействия является уголовно-процессуальный конфликт как социально обусловлен-

ный способ разрешения уголовно-процессуальных противоречий посредством реализации одной из сторон конфликтного отношения своих целей и интересов за счет интересов другой стороны либо неприемлемыми для нее средствами. Его видами являются: 1) уголовно-процессуальный макроконфликт — конфликт между государством и обществом (социальной группой), основанный на противоречии уголовно-процессуальных интересов и средств их реализации, который может быть предотвращен посредством уголовно-процессуального воздействия, но не может быть им разрешен; 2) уголовно-процессуальный микроконфликт как способ разрешения противоречий, возникших по поводу целей и интересов субъектов уголовно-процессуальных отношений, а также используемых ими средств их реализации, на который уголовно-процессуальное право может оказывать и превентивное, и решающее воздействие.

15. Структурно уголовно-процессуальный конфликт включает в себя внешнюю и внутреннюю сторону. Элементами первой являются участники уголовно-процессуального конфликта и их поведение в конфликте. Внутреннюю сторону уголовно-процессуального конфликта образуют цели и интересы его участников, которые формируют конфликтную мотивацию, а также противоречия, составляющие содержание уголовно-процессуального конфликта.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность, научная обоснованность и аргументированность результатов диссертационного исследования определяются избранной методологией, масштабом и репрезентативностью полученных эмпирических данных.

Эмпирической базой исследования явились:

- официальные статистические данные о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, опубликованные на официальных сайтах Верховного Суда РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Министерства внутренних дел РФ;

- материалы опубликованных социологических исследований федерального уровня, проведенных социологическими учреждениями «Фонд общественного мнения» и «Всероссийский центр изучения общественного мнения»;

- статистические материалы, полученные самими соискателем в ходе проведения исследования в судах, правоохранительных органах и органах адвокатуры 12 субъектов РФ (г. Москва, Республика Алтай, Республика Хакасия, Иркутская область, Новосибирская область, Орловская область, Омская область, Томская область, Кемеровская область — Кузбасс, Алтайский край, Краснодарский край, Красноярский край) посредством личного опроса, анкетирования и интервьюирования 112 судей судов районного уровня и уровня субъекта РФ, 192 работников прокуратуры, 256 следователей и дознавателей, 178 адвокатов, а также изучения материалов 156 уголовных дел.

Предметом эмпирического изучения стали также пояснительные записки к 104 законопроектам о внесении изменений и дополнений в положения УПК РФ, опубликованные на официальном сайте Государственной Думы РФ.

Материалы исследования были внедрены в образовательную и практическую деятельность и используются:

- федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Москва) при подготовке кадров для службы в органах внутренних дел (акт внедрения научной и научно-технической продукции от 16.02.2026);

- федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Байкальский государственный университет» (г. Иркутск) в виде внедрения в образовательную деятельность кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора по дисциплине «Уголовный процесс» по направлению подготовки бакалавриата 40.03.01 Юриспруденция; по дисциплине «Меры уголовно-процессуального принуждения» по направлению магистратуры 40.04.01 Юриспруденция по профилю «Уголовный процесс и прокурорский надзор» (акт внедрения научной и научно-технической продукции (ННТП) № 11-02-01-20 / Э-85 от 08.10.2025);

- федеральным казенным образовательным учреждением высшего образования «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Новокузнецк) при подготовке кадров для службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, а также для иных правоохранительных органов, путем их интеграции в курсы «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)», «Уголовный процесс» для обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» (акты внедрения научной и научно-технической продукции от 03.02.2026);

- Следственным департаментом Министерства внутренних дел РФ при подготовке организационно-распорядительных актов, материалов оперативных совещаний и занятий по профессиональной подготовке, а также в практической деятельности территориальных органов предварительного следствия в системе МВД России (акт внедрения научной и научно-технической продукции от 05.02.2026);

- Главным следственным управлением Следственного комитета РФ по Красноярскому краю и Республике Хакасия в рамках проведения занятий по служебной и правовой подготовке по вопросам толкования и применения уголовно-процессуального законодательства в процессе применения мер пресечения по уголовным делам (акт внедрения научной продукции, научно-технической продукции от 23.04.2025);

— Главным управлением Федеральной службы исполнения наказаний по Красноярскому краю в рамках проведения занятий по правовой подготовке сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы по вопросам применения уголовно-процессуального законодательства (методические рекомендации «Порядок задержания лиц при попытке проноса в исправительные учреждения запрещенных предметов (веществ) и уголовно-процессуального оформления его результатов» (акт внедрения научной и (или) научно-технической продукции от 19.07.2024);

— Главным управлением Федеральной службы исполнения наказаний по Свердловской области в рамках проведения занятий по правовой подготовке сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы по вопросам применения уголовно-процессуального законодательства (методические рекомендации «Порядок задержания лиц при попытке проноса в исправительные учреждения запрещенных предметов (веществ) и уголовно-процессуального оформления его результатов» (акт внедрения научной и (или) научно-технической продукции от 18.06.2024).

Полученные в результате исследования и подвергнутые научной апробации выводы стали основой модернизации теоретического наполнения учебных дисциплин (модулей), преподаваемых диссертантом, а именно: «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)», «Уголовный процесс», «Теория доказательств в уголовном процессе», «Доказывание и принятие решений в уголовном судопроизводстве», «Актуальные проблемы уголовно-процессуального права».

Теоретические и прикладные положения диссертационного исследования были предметом обсуждения на международных и всероссийских научно-практических мероприятиях, проводимых в период 2011–2025 гг. в Москве, Горно-Алтайске, Иркутске, Красноярске, Новокузнецке, Новосибирске, Омске, Орле, Перми, Рязани, Томске и других городах.

Основные теоретические положения, выводы, рекомендации и предложения, изложенные в диссертационном исследовании, отражены в 49 научных работах общим объемом 73,32 п. л. (монографии, учебные пособия, научные статьи), из которых 19 — статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Структура диссертационного исследования обусловлена внутренней логикой изложения. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих в себя 13 параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность исследования, определена степень научной разработанности его темы, объект и предмет диссертационного исследования, его цель и задачи, теоретическая основа, сформулирована научная новизна, аргументированы теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования, дана характеристика методологии и методам, использованным при проведении исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, представлены сведения о степени достоверности и апробации его результатов, а также структуре диссертационной работы.

Первая глава диссертационного исследования «Эффективность уголовно-процессуального воздействия: содержание понятия и критерии оценки» состоит из трех параграфов.

В *первом параграфе* «Категория „эффективность правового воздействия“: теоретико-правовые предпосылки» на основе дореволюционной, советской и современной российской, а также зарубежной литературы изучены теоретико-правовые основы использования категории «эффективность правового воздействия» в качестве методологической основы диссертационного исследования.

Анализ тенденций развития общеправовой науки показал, что в теории права уже на рубеже 70–80-х гг. XX в. был сформулирован достаточно обоснованный тезис, согласно которому право — это универсальное социальное средство, воздействующее в специально-юридических и иных формах на общественные связи, как традиционно включаемые в предмет правового регулирования и охраны, так и не имеющие к нему отношения. Исследование социальной природы права вовсе не колеблет его нормативности, так как право — настолько сложное и многогранное явление, что его природа с легкостью вмещает в себя и чисто формально-юридические, и социальные аспекты, а поэтому изучение социальности права не опровергает его нормативности, углубляет знания о нем, выявляет те «пласты» его природы, которые никогда не были бы изучены, если бы право рассматривалось исключительно как совокупность формально-определенных, общеобязательных, обеспеченных силой государства правил поведения.

Соответственно, ведя речь о правовых сторонах эффективности, нужно учитывать не только результаты собственно правового воздействия, оказываемого нормой права, правовым институтом или отраслью в целом на предмет отраслевого регулирования или охраны, но и то, как эти правовые регуляторы влияют на социум, способствуют ли они общественной пользе или нет. Это возможно только при комплексном исследовании всех форм влияния права на развитие общества, а не узкоспециализированном изучении результатов регу-

лятивного или охранительного воздействия права на изолированный круг общественных отношений, включаемых в структуру предмета права (отрасли права).

Данный вывод позволил определить правовое воздействие как модификацию общественной среды посредством специально-юридического и общесоциального влияния, оказываемого правом на систему общественных отношений с целью достижения определенного правового и социального результата.

Непосредственно к изучению феномена эффективности теория права приступила не ранее второй половины 60-х гг. XX в. Причем в большинстве своем работы по этой проблематике носили феноменологический характер и были посвящены исследованию эффективности правового регулирования.

Сформировавшийся в правовой науке к началу 80-х гг. прошлого века массив таких исследований позволяет утверждать, что в теории права сложилось отдельное, вполне самостоятельное направление научного познания, востребованное как на общетеоретическом, так и на отраслевом уровне, — теория эффективности.

Во *втором параграфе* первой главы «Проблема эффективности в уголовно-процессуальной науке: история вопроса и формирование научного направления» обосновывается тезис о том, что теория правовой эффективности была воспринята и уголовно-процессуальной наукой. Это выразилось в том, что в рамках ее научного предмета появилось отдельное научное направление, которое вплоть до настоящего времени находится в процессе формирования и требует совершенствования своих концептуальных основ.

Начало непосредственным исследованиям проблем эффективности в уголовно-процессуальной науке было положено в начале 70-х гг. (В. И. Каминская, А. И. Михайлов и др.), и уже на этом этапе развития уголовно-процессуальной теории в вопросе изучения правовой эффективности выделились два научных направления.

Первое из них было представлено авторами, сосредоточившими свои усилия на онтологическом изучении эффективности уголовно-процессуального права или уголовно-процессуального закона (А. Д. Бойков, А. М. Ларин и др.). Второе — теми исследователями, которые предпринимали попытки феноменологического исследования эффективности уголовного судопроизводства или отдельных видов уголовно-процессуальной деятельности (Т. Г. Морщакова, И. Л. Петрухин и др.).

Избранная тем или иным исследователем методика установления уголовно-процессуальной эффективности определяла не только то, эффективность чего именно подвергалась изучению, но и критерии эффективности. Если следовать логике онтологического подхода, единственным критерием эффективности уголовно-процессуального закона рассматривалась степень

того, в какой тот «отражает интересы общественного развития, соответствует материальным и духовным запросам общества и может служить орудием организации общественных отношений сообразно целям законодателя» (А. М. Ларин и др.), без учета результата действия нормы права.

Приверженцы феноменологического метода изучения уголовно-процессуальной эффективности предлагали опираться на другие ее критерии. Признавая эффективность уголовного судопроизводства производным от результатов уголовно-процессуальной деятельности, они в качестве таковых рассматривали их соотношение с целями (задачами) уголовного судопроизводства. Вполне естественно, что такой подход ставил вопрос об учете оптимальности средств, затраченных на достижение данной цели, и их включении в число обязательных критериев эффективности уголовного судопроизводства.

На современном этапе дискуссии о проблеме эффективности можно отметить как более ранние исследования Ю. В. Деришева, В. В. Николюка, И. В. Губенка, так и сравнительно недавние работы Е. П. Остапенко, А. Ю. Астафьева, В. Т. Томина, М. П. Полякова, А. П. Попова, О. И. Даровских и др.

К настоящему моменту в уголовно-процессуальной науке сформирован ряд основных тенденций в исследовании данной проблематики, а именно: 1) прослеживается явный приоритет феноменологического подхода к исследованию эффективности уголовно-процессуальных явлений перед онтологическим подходом; 2) уголовно-процессуальный закон исследуется преимущественно с позиции его оптимальности, логическим следствием чего стала постановка проблемы соотношения эффективности и оптимальности уголовно-процессуальных средств воздействия; 3) уголовно-процессуальная теория по-прежнему во много сосредоточена на проблемах эффективности правосудия по уголовным делам; 4) проблемы эффективности в уголовном процессе исследуются с позиции антропоцентричного подхода, когда во главу угла ставится способность уголовно-процессуального закона (или, в другой интерпретации проблемы, — уголовного судопроизводства) обеспечить права, свободы и законные интересы личности.

Третий параграф первой главы «Эффективность уголовно-процессуального воздействия и методика ее оценки» отражает авторскую позицию по проблеме эффективности уголовно-процессуальных явлений. В ее основе лежит комплексная научная методология, основанная как на положениях уголовно-процессуальной доктрины, так и на заимствованной методике исследования явления эффективности, используемой, в первую очередь, в экономике и теории управления.

Учитывая, что исследовать эффективность на любом уровне (нормы, института, отрасли) можно исключительно с позиции изучения «права в дей-

ствии», ориентируясь на полученные результаты уголовно-процессуального воздействия, феноменологический подход в этом случае является единственно возможным. Его логика предполагает изучение эффективности воздействия через призму оценки результатов действия норм уголовно-процессуального права.

Если охарактеризовать вектор развития уголовно-процессуальной науки по проблеме эффективности, то нельзя не отметить явного превалирования исследований, посвященных изучению эффективности уголовно-процессуального регулирования. В то же время такой подход нуждается в существенной корректировке.

Во-первых, оценивая эффективность, нужно учитывать, что уголовно-процессуальное право не только регулирует уголовно-процессуальные отношения, но и охраняет их. Соответственно, оценивая эффективность специально-юридического воздействия уголовно-процессуального права на его отраслевой предмет, необходимо брать во внимание все формы такого его воздействия.

Во-вторых, оценивая эффективность, нужно исходить из того, что уголовно-процессуальное право — универсальное социальное средство, способное оказывать не только специально-юридическое, но и общесоциальное воздействие, как на общество в целом, так и на отдельных его представителей. Такое воздействие называется общесоциальным правовым воздействием, отличающимся от его специально-юридических форм 1) опосредованным характером и 2) адресатом, в качестве которого выступает не конкретный субъект уголовно-процессуального права, а определенные социальные группы и даже общество в целом, т. е. субъекты социальной жизни или социальные акторы.

В качестве базовых фундаментальных положений теории уголовно-процессуальной эффективности необходимо рассматривать следующие:

- методологически ошибочно говорить об эффективности уголовно-процессуального права, т.к. эффективным или неэффективным может быть исключительно акт его реализации, посредством которого данная отрасль и его нормы воздействуют на общественные связи, а поэтому в рамках теории эффективности объектом исследования является уголовно-процессуальное воздействие, но не уголовно-процессуальное право (его нормы, институты);

- уголовно-процессуальное право с точки зрения теории управления необходимо рассматривать, как функционирующую систему, которая оказывает целенаправленное воздействие на разные группы общественных отношений, непосредственно влияя на поведение субъектов уголовно-процессуального права, осуществляющих реализацию его предписаний, и опосредованно — на поведение иных социальных акторов (государство, общество, социальные группы);

— эффективность уголовно-процессуального воздействия необходимо рассматривать с учетом не только того, как уголовно-процессуальное право непосредственно воздействует на свой предмет (формально-юридическая эффективность), но и того общего социально-полезного результата, который был достигнут в итоге реализации его предписаний (общесоциальная эффективность);

— единственным критерием эффективности уголовно-процессуального воздействия является его цель, степень достижения которой прямо определяет, насколько эффективным является это воздействие;

— целью уголовно-процессуального воздействия является совершенствование той социальной среды, в которой функционирует уголовно-процессуальное право и на которую оно оказывает свое воздействие;

— оптимальность уголовно-процессуальных средств — это условие эффективности уголовно-процессуального воздействия, но не характеристика самой операции.

Комплексный подход к изучению эффективности уголовно-процессуального воздействия позволяет определить ее как способность нормы уголовно-процессуального права (его правового института, отрасли права в целом) реализовывать субъективно поставленную правовую цель, достигая при этом объективно социально-полезного результата.

Вторая глава исследования «Телеологический и функциональный анализ уголовно-процессуального воздействия» включает в себя три параграфа.

Первый параграф «Категория «цель» как феномен уголовно-процессуальной доктрины» посвящен анализу генезиса научной мысли относительно феномена цели в уголовном процессе.

Как показало изучение научных источников, посвященных данной проблеме, уголовно-процессуальная доктрина в своем представлении о цели уголовного процесса в целом находится в рамках двух диаметрально противоположных походов к пониманию ее содержания.

Первый из них исходит из того, что цель уголовного процесса (уголовного судопроизводства) состоит в реализации уголовной ответственности (и (или) наказании) виновного в совершении преступления. Такое видение цели уголовного процесса превалировало в уголовно-процессуальной науке вплоть до начала 20-х гг. XX в. Ее приверженцами были такие исследователи, как Я. И. Баршев, И. Г. Василенко, В. Г. Случевский и др.

В советской уголовно-процессуальной науке наиболее ярким представителем данной точки зрения был М. А. Чельцов. Такую трактовку цель уголовного процесса получила и в ранних работах В. Т. Томина.

Имеет своих сторонников мнение о наказании как цели уголовного процесса и среди современных авторов (Е. Р. Пудakov, А. В. Агутин, Ю. В. Козубенко). Однако если охарактеризовать отношение современных исследователей к данной концепции цели уголовного процесса, нельзя не отметить того

факта, что большинство из них рассматривают наказание виновного в совершении преступления как один из ее элементов, наряду с «обеспечением законных интересов участников уголовного процесса, вовлеченных в такую деятельность» (И. Е. Адаменко).

Суть второго подхода заключается в признании цели уголовного процесса, заключающейся в защите прав, свобод и законных интересов личности, в том или ином качестве вовлеченной в уголовное судопроизводство.

Особое распространение такое представление о цели уголовного процесса получило после принятия действующего УПК РФ. Среди его сторонников в первую очередь можно назвать Е. Б. Мизулину, П. А. Лупинскую, И. Б. Михайловскую, Л. А. Воскобитову, А. В. Смирнова и др.

Остальные выявленные в ходе исследования подходы в основном находятся в рамках двух представленных парадигм. Среди них можно выделить понимание цели уголовного процесса как акта применения нормы уголовного права (М. Л. Якуб, М. П. Поляков и др.), а также представление о ней как об установлении истины по уголовному делу (М. С. Строгович, А. С. Барабаш, Г. А. Печников и др.).

Достаточно распространена в науке уголовного процесса и точка зрения, признающая за уголовным процессом сразу несколько целей («древо целей»). К апологетам такого подхода можно отнести Т. Н. Добровольскую, И. Л. Петрухина, Э. Ф. Куцову, А. П. Попова и др.

К иным подходам к определению цели уголовного процесса можно отнести следующие концепции: ее «функциональную модель» (Д. М. Берова), «аксиологическую» трактовку цели (И. Г. Смирнова), цель уголовного процесса — разрешение уголовно-правового спора (Л. В. Головки).

Во *втором параграфе* «Телеологические и функциональные аспекты уголовно-процессуального воздействия» проведено исследование проблемы цели в уголовном процессе и ее соотношения с его социальной функцией.

В определении сущности категории «цель» как одной из фундаментальных мировоззренческих категорий необходимо исходить из базового постулата: цель, будучи продуктом неудовлетворенности средой и условиями существования, имеет безусловную субъективную природу, являясь результатом процесса целеполагания.

Правовое целеполагание относится к его коллективной разновидности, в основе него лежит общий социальный интерес в совершенствовании социальных условий функционирования права как управляющей системы при помощи правовых средств. Субъектом правового целеполагания является российское общество как устойчивая социальная общность, характеризующаяся единством условий жизнедеятельности. Результат процесса целеполагания — цель как 1) продукт осознанного восприятия и оценки окружающей действительности, содержанием которого является идеальное представление

о ее возможном состоянии в отсутствии выявленных проблем и противоречий, а также 2) способ постановки задач и определения системы средств, направленных на ее реализацию.

Вывод о субъективной природе процесса целеполагания позволяет говорить об ошибочности самой постановки вопроса о цели уголовного процесса (или уголовного судопроизводства). Уголовный процесс — это объективно сложившийся в силу исторического развития сегмент общественных отношений, который не может иметь какой-либо цели. Являясь средством реализации определенной общественной потребности, он характеризуется исключительно социальной функцией, которая производна от социальных причин появления уголовного процесса, а следовательно, также объективна по своей природе. Целью обладает не уголовный процесс, а уголовно-процессуальное воздействие, осуществляемое посредством реализации правовых предписаний, содержащихся в нормах уголовно-процессуального законодательства.

Данный вывод предопределен комплексной субъективно-объективной природой права, которое является плодом взаимодействия сознания человека и объективной действительности, отражением объективного в субъективном. Соответственно, социум как субъект целеполагания может модифицировать свойства права и перенаправлять правовое воздействие с целью совершенствования социальных условий своего существования. С этой точки зрения уголовно-процессуальное право — средство воздействия на общественные отношения в общественно же полезных целях, и поэтому цель — характеристика не самого права, а того воздействия, которое оно оказывает. Цель уголовно-процессуального воздействия, таким образом, подвижна и видоизменяема. Ее трансформация следует за трансформацией социума и государства.

В отличие от цели уголовно-процессуального воздействия социальная функция уголовного процесса статична, неизменна на протяжении всего периода существования данного социального явления. С этой точки зрения уголовный процесс что на заре государственности, что сейчас является средством удовлетворения социальной потребности в легитимации акта привлечения к уголовной ответственности или освобождения от нее, что следует считать базовой уголовно-процессуальной потребностью, а ее удовлетворение — социальной функцией уголовного процесса.

Третий параграф второй главы «Цель уголовно-процессуального воздействия» содержит в себе авторское видение цели уголовно-процессуального воздействия, которая отражает степень общественного и государственного развития нашей страны на данном этапе ее развития и позволяет получить максимальную отдачу от средств уголовно-процессуального воздействия.

Необходимость учета и специально-юридического, и общесоциального аспекта в оценке эффективности уголовно-процессуального воздействия позволяет говорить и о двух сторонах его единой цели.

В разрешении фундаментальной проблемы содержания цели уголовно-процессуального воздействия необходимо отталкиваться от понимания социальной сущности уголовно-процессуального права как средства компромиссного антиконфликтного воздействия на сталкивающиеся интересы личности, общества и государства, обеспечивающего баланс правовых средств их реализации. Стремление государства стабилизировать общественные процессы в целом и процесс применения нормы уголовного права в частности, устранив возможные диспропорции между реализуемыми при этом интересами, — причина существования уголовно-процессуального права, а следовательно, содержание уголовно-процессуального воздействия заключается в обеспечении пропорциональности (баланса) этих интересов.

Исходя из предложенной конструкции, цель уголовно-процессуального воздействия может быть определена как формирование бесконфликтной социальной среды посредством обеспечения пропорциональности уголовно-процессуальных средств отстаивания интересов личности, общества и государства, реализуемых в сфере уголовно-процессуальных отношений.

Учитывая идеологический характер цели уголовно-процессуального воздействия, представляется излишним ее закрепление на нормативном уровне. Однако для ее максимально точной реализации, обеспечения полного соответствия ей уголовно-процессуальной деятельности суда, прокурора, следователя, дознавателя требуется нормативное закрепление задач уголовно-процессуальной деятельности, в качестве которых видятся: 1) возбуждение, расследование, рассмотрение и разрешение уголовного дела в порядке, определенном законом, с тем чтобы виновные в совершении преступления были обоснованно привлечены к уголовной ответственности и понесли законное и справедливое наказание, а невиновные — освобождены от уголовной ответственности и уголовного наказания; 2) охрана прав, свобод и законных интересов личности, а также реабилитация каждого невиновного и иного лица, имеющего право на реабилитацию в соответствии с законом.

Третья глава диссертационного исследования «Содержание уголовно-процессуального воздействия» состоит из трех параграфов.

Первый параграф третьей главы «Уголовно-процессуальное право как средство специально-юридического воздействия» посвящен определению форм воздействия, оказываемого им на общественные отношения, составляющие его отраслевой предмет, или, другими словами, предмет специально-юридического уголовно-процессуального воздействия.

В традиционном понимании уголовный процесс, являющийся частью социальной действительности, рассматривается предметом правового регулирования уголовно-процессуального права — правового средства упорядочивания социальной действительности. С таким подходом можно согласиться, но лишь при одном условии: если категорию «уголовный процесс» рассма-

тривать как совокупность общественных отношений по возбуждению, расследованию, рассмотрению, разрешению уголовного дела и исполнению приговора, а также связанных с ними отношений, подвергающихся специально-юридическому воздействию норм уголовно-процессуального права.

Несмотря на то, что уголовно-процессуальные отношения всегда детерминированы уголовно-процессуальным правом, их состав неоднороден. Вся систему уголовно-процессуальных отношений, включаемых в уголовный процесс, можно условно разделить на две части. Первую из них составят фундаментальные, «корневые» уголовно-процессуальные отношения, в основе которых лежит исторически сложившаяся совокупность общественных связей, с течением времени признанных и легализованных государством, возведенных им в ранг официальных. Эти отношения составляют стержень уголовного процесса любого государства и обычно обладают достаточной стабильностью. В их отсутствие уголовный процесс как сфера функционирования социума прекратит свое существование. Вторая группа включает в себя совокупность тех уголовно-процессуальных отношений, которые учреждены государством. В отличие от отношений предыдущей группы, которые объективны изначально, отношения этой группы объективно обусловлены, а их возникновение производно от субъективной воли правотворца. Соответственно, если отношения предыдущей группы подвергаются «восходящей» легитимации, т.е. признаются государством как правоотношения, то эти отношения, наоборот, легитимируются «по нисходящей», путем их признания со стороны как их потенциальных субъектов, так и общества в целом. Такой вариант общественной легитимации носит название социализации, которая может произойти только в том случае, если учрежденные государством общественные отношения были действительно социально (т.е. объективно) обусловлены.

Структуре предмета специально-юридического уголовно-процессуального воздействия соответствуют три его формы. Уголовно-процессуальное право 1) регламентирует и 2) берет под охрану уже сложившиеся общественные отношения, тем самым трансформируя их в уголовно-процессуальные отношения, и оно же 3) учреждает до того не существовавшие отношения в виде уголовно-процессуальных отношений, регулируя и охраняя их впоследствии.

Во *втором параграфе* третьей главы «Предмет и формы общесоциального уголовно-процессуального воздействия» заявленные проблемы рассматриваются с точки зрения антиконфликтного потенциала уголовно-процессуального права.

Изучение механизма уголовно-процессуального воздействия в парадигме, определяемой формально-юридическим подходом, т. е. исключительно в качестве средства регулирования, охраны и учреждения уголовно-процессуальных отношений, выявило его явную недостаточность. Осмыс-

ление социальной природы права привело к появлению взгляда на него как на средство социального управления, который востребован и современной теорией права (С. С. Алексеев, И. Я. Дюрягин, Л. С. Явич, Р. О. Халфина, Г. Г. Бернацкий и др.).

Как следует из наименования, право в данной концепции рассматривается в контексте управления самыми различными социальными процессами, а поэтому механизм общесоциального воздействия права на общественные отношения необходимо рассматривать как механизм управленческого воздействия права на общество. При этом управленческое правовое воздействие не сводится к установлению нормативно-правовых предписаний общего характера, рассчитанных на регулирование типичных общественных отношений. Управление предполагает также распространение правовых предписаний на индивидуальные общественные отношения, на персонально определенных их участников посредством принятия государственными органами управленческих решений индивидуального характера на основе применения норм права (И. Я. Дюрягин), что в полной мере характеризует нормы уголовно-процессуального права.

С этой точки зрения применительно к уголовно-процессуальному праву, его институтам и нормам можно вести речь об уголовно-процессуальном общесоциальном (управленческом) воздействии двух уровней: 1) прямом воздействии конкретных уголовно-процессуальных предписаний на поведение отдельных субъектов — участников уголовно-процессуальных отношений — микроуровневом уголовно-процессуальном воздействии; 2) опосредованном воздействии уголовно-процессуальных норм на комплексы общественных отношений, составляющих определенную сферу социальной жизни, отличную от предмета его специально-юридического воздействия, — макроуровневом уголовно-процессуальном воздействии.

Если воздействие уголовно-процессуального права на микроуровне носит вполне очевидный характер и проявляется в конкретных правоприменительных актах лиц и органов, ведущих уголовно-процессуальное производство, посредством которых они управляют поведением конкретных участников уголовно-процессуальных отношений, то уголовно-процессуальное воздействие макроуровня специфично и характеризуется тремя главными отличительными чертами. Во-первых, оно не носит сиюминутного характера, выявляя свой результат по прошествии определенного, иногда достаточно длительного времени. Во-вторых, этот результат выражается в структурных общесоциальных изменениях — появлении или исчезновении отдельных групп общественных отношений, их модификации. И, наконец, в-третьих, средством уголовно-процессуального воздействия макроуровня может быть как конкретная норма уголовно-процессуального права, так и их группа, образующая отдельный уголовно-процессуальный институт или даже уголовно-процессуальное право в целом, как отрасль права.

Исходя из цели, объектом уголовно-процессуального воздействия является потенциальный или реальный уголовно-процессуальный конфликт двух видов: 1) уголовно-процессуальный микроконфликт — конфликт, являющийся способом разрешения противоречий, возникших по поводу целей и интересов субъектов уголовно-процессуальных отношений, а также используемых ими для их реализации средств, на которые уголовно-процессуальное право может оказывать как превентивное, так и решающее воздействие; 2) уголовно-процессуальный макроконфликт — конфликт, основанный на противоречии уголовно-процессуальных интересов и средств их реализации между государством и обществом (социальной группой), который может быть предотвращен посредством уголовно-процессуального воздействия.

В *третьем параграфе* третьей главы «Прогнозирование результатов уголовно-процессуального воздействия» рассмотрено одно из основных средств, обеспечивающих процесс правового целеполагания и эффективности правового воздействия — юридическое прогнозирование.

Прогнозирование как «специальное научное исследование, предметом которого выступают перспективы развития явления» (И. В. Бестужев-Лада), стало применяться в научном, в том числе юридическом, познании достаточно давно. В настоящее время п. 4 ст. 3 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» определяет прогнозирование как «деятельность участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности Российской Федерации, о направлениях, результатах и показателях социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований». Несмотря на то, что данное определение прямо о «юридическом», а тем более «уголовно-процессуальном» прогнозировании не упоминает, полагаем, что оно включает эти направления прогностической деятельности в свой логический объем, что позволяет отнести юридическое прогнозирование к сфере официально признанного направления государственной деятельности. Отсюда юридическое и в том числе уголовно-процессуальное прогнозирование можно определить как специальное научное исследование перспектив развития отрасли права (отрасли законодательства), результатом которого является научно обоснованный прогноз такого развития, а также выявление потенциальных рисков и угроз, препятствующих этому.

Если расположить эти риски и угрозы от наименее к наиболее неблагоприятным применительно к сфере уголовно-процессуального воздействия, то наименее опасным представляется риск невостребованности той или иной нормы или института, а наибольшим — угроза деградации системы уголовной юстиции, выражающаяся в таких социально опасных явлениях, как: 1) повсеместный отход от нормативно установленного порядка произ-

водства по делу, поддерживаемый негласной соглашательской позицией суда, руководящих и надзирающих лиц; 2) дисквалификация судейского, прокурорского корпуса, следственного аппарата, «отвыкших» работать по нормативно установленному стандарту; 3) понижение стандарта гарантий прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства и, как следствие, снижение степени доверия населения к деятельности судебной и правоохранительной систем; 4) повышение конфликтности как самой сферы уголовно-процессуальных отношений, так и социума в целом вследствие роста напряженности в системе общественных отношений, утраты чувства личной безопасности у членов социума.

Правотворчество, являясь строго аналитической деятельностью, во многом зависимо от прогнозирования результатов правового воздействия и мониторинга его результатов. Для признания таковым прогноз развития уголовно-процессуального законодательства должен отвечать следующим требованиям: 1) стратегичность прогноза (прогноз не может носить характер точечных изменений закона и должен быть рассчитан, как минимум, на среднесрочную перспективу); 2) концептуальность (прогноз развития отраслевого законодательства должен учитывать тенденции развития смежных отраслей уголовного и уголовно-исполнительного права) 3) объективная обусловленность результатов прогнозирования (прогноз должен отвечать объективным запросам общественного и государственного развития); 4) реалистичность (прогноз должен включать в себя положения, имеющие перспективу их внедрения в реальную жизнь); 5) системность (внутренняя непротиворечивость прогноза) и 6) результативность прогноза (прогноз должен учитывать не только формально-юридические результаты, но и общественно-полезный эффект его реализации).

Четвертая глава диссертации «Социальная природа уголовного процесса антиконфликтного типа» состоит из четырех параграфов.

Первый параграф четвертой главы «Уголовно-процессуальный конфликт как социальная основа существования уголовного процесса антиконфликтного типа» посвящена определению понятия и природы уголовно-процессуального конфликта.

Учитывая, что антиконфликтное воздействие, оказываемое уголовно-процессуальным правом, разнаправленно, имеет смысл классифицировать уголовно-процессуальные конфликты на *внутренние* и *внешние* конфликты, которые, имея схожую социальную природу, в то же время отличаются друг от друга. При этом, характеризуя каждый из уголовно-процессуальных конфликтов, нужно вести речь именно о социальном, а не внутриличностном конфликте, притом что, исходя из числа участников, он может носить как межгрупповой, так и межличностный характер.

То, что межгрупповой уголовно-процессуальный конфликт социален — факт, который не требует дополнительного обоснования. Социальность же

межличностного конфликта, исходя из его внешней схожести с личным конфликтом, не так очевидна. Обоснование социальной природы межличностного социального конфликта лежит в плоскости индивидуальных особенностей его акторов, которые участвуют в нем как носители социальных ролей или, другими словами, индивиды, реализующие в рамках конфликтного отношениях определенные социальные функции.

Социальная природа уголовно-процессуального конфликта предопределяет необходимость разрешения проблемы о соотношении категорий «социальный конфликт» и «социальное противоречие». Соглашаясь с тем, что в основе любого, в том числе и уголовно-процессуального, конфликта лежат разного рода противоречия, мы в то же время не можем согласиться с преобладающим в теории уголовного процесса мнением о тождественности категорий «уголовно-процессуальное противоречие» и «уголовно-процессуальный конфликт» (В. Т. Томин, Ю. В. Францифоров). Такое видение соотношения данных категорий затрудняет противодействие уголовно-процессуальному конфликту.

Выявление социального противоречия во многих случаях не представляется большой проблемой — эти противоречия зачастую лежат на поверхности. Однако наличие противоречия само по себе еще не означает конфликта. Для его возникновения необходимо два условия: 1) осознание сторонами конфликта противоположности интересов и 2) соответствующая их мотивация.

Отсюда конфликт можно определить как способ разрешения противоречий, когда одна из сторон предпринимает попытку реализации своих целей и интересов за счет интересов другой стороны либо неприемлемыми для этой стороны средствами.

С этой точки зрения, если рассматривать конфликт как наиболее острый вариант развития противоречий и весьма специфический способ их разрешения, следует критически отнестись к ставшему популярным в последнее время тезису о пользе социального конфликта как фактора развития системы общественных отношений. Если исходить из того, что разрешение противоречий в конфликте происходит не путем взаимного согласований позиций и консенсуса, а за счет уступок одной из сторон конфликтного взаимодействия, что зачастую происходит исключительно по причине того, что у одной из сторон имеется больший ресурс, такой способ разрешения противоречий нельзя назвать рациональным.

Соответственно, фактором развития системы является не сам конфликт, а те противоречия, которые лежат в его основе и требуют своего бесконфликтного разрешения. Средствами того на макроуровне видится своевременная модернизация уголовно-процессуального законодательства в соответствии с объективными социальными потребностями; на микроуровне — переговоры, достижение консенсуса, убеждение в правоте и др.

Во *втором параграфе* четвертой главы «Структура и динамика уголовно-процессуального конфликта» уголовно-процессуальный конфликт рассмотрен с точки зрения его внутреннего строения и динамики развития.

Опираясь на базовый тезис о том, что уголовно-процессуальный конфликт является социальным конфликтом, необходимо согласиться с тем, что своей структурой и динамикой он должен воспроизводить любой другой социальный конфликт.

Исходя из того, что структура — это взаимосвязь или отношение между элементами материальной или концептуальной системы, в число структурных элементов уголовно-процессуального конфликта можно включить внешнюю и внутреннюю сторону уголовно-процессуального конфликта. Внешняя сторона конфликта представлена его участниками и той деятельностью, которая осуществляется ими для реализации поставленных целей и удовлетворения интересов в конфликтном отношении. Внутренняя сторона конфликта, в свою очередь, образована самими целями, интересами участников уголовно-процессуального конфликта, формирующими их конфликтную мотивацию, и содержанием конфликта — теми противоречиями, которые лежат в основе конфликта.

В контексте изучения проблемы структуры уголовно-процессуального конфликта важным представляется вопрос о природе такого явления, которое в социологии получило название «конфликтной ситуации». Несмотря на то, что в большинстве предложенных конструкций конфликтная ситуация — структурный элемент социального конфликта, нужно признать, что она не всегда необходимо влечет конфликтное взаимодействие, а следовательно, конфликтная ситуация не может быть структурным элементом уголовно-процессуального конфликта, так как она предшествует ему, являясь не его элементом, а этапом развития конфликта.

Динамика является неотъемлемой качественной характеристикой уголовно-процессуального конфликта. В развитии конфликта можно выделить скрытую (латентную) и открытую (конфликтное взаимодействие) фазы. Разделяет их конфликтная ситуация, превентивное воздействие на которую может купировать возникновение конфликтного взаимодействия. Динамика уголовно-процессуальных макро- и микроконфликтов в целом имеет общие закономерности, включая в себя следующие этапы: 1) латентную фазу — формированием состояния межличностной или социальной напряженности; 2) конфликтную ситуацию; 3) инцидент; 4) открытую фазу — эскалацию конфликта; 5) сбалансированное противодействие и 6) завершение конфликта.

В *третьем параграфе* четвертой главы диссертационного исследования «Внешняя сторона уголовно-процессуального конфликта» исследованы такие структурные элементы уголовно-процессуального конфликта, как его участники и характер их деятельности, посредством чего проявляется вовне их мотивация на участие в конфликтном отношении.

Участники — это обязательный элемент уголовно-процессуального конфликта. Участники уголовно-процессуального микроконфликта делятся на основных и второстепенных.

Основными его участниками являются субъекты уголовно-процессуальных отношений, вступившие в конкретное социальное взаимодействие с другими субъектами уголовно-процессуального права с целью применения норм уголовно-процессуального права, использования принадлежащих им уголовно-процессуальных полномочий, субъективных прав и исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, характеризующиеся уголовно-процессуальной правосубъектностью, включающей в себя уголовно-процессуальную право- и дееспособность.

Уголовно-процессуальная правоспособность — обусловленное законом состояние уполномоченных государственных органов и их должностных лиц, а также иных физических лиц и юридических лиц, составляющее необходимую предпосылку уголовно-процессуальной дееспособности, наличие которого позволяет им стать субъектами уголовно-процессуального права.

Уголовно-процессуальная дееспособность — обусловленная нормами уголовно-процессуального права способность государственных органов, их должностных лиц, физических и юридических лиц, обладающих уголовно-процессуальной правоспособностью, осуществлять уголовно-процессуальную деятельность и вступать в уголовно-процессуальные отношения, реализуя тем самым уголовно-процессуальные полномочия, субъективные права и обязанности.

Круг второстепенных участников уголовно-процессуального конфликта может быть представлен физическими и юридическими лицами, которые, не обладая статусом субъекта уголовно-процессуальных отношений, задействованы в конфликте в роли его организаторов, подстрекателей, наблюдателей, индифферентных участников конфликта, находящихся рядом с конфликтующими сторонами, но прямо не участвующих в их противоборстве, притом что их интересы затрагиваются конфликтом.

Участники уголовно-процессуального макроконфликта — государство и общество (его часть — социальная группа). С этой точки зрения система их взаимоотношений характеризуется следующими особенностями: 1) государство и общество неразрывно связаны друг с другом, а поэтому рассматривать этих участников уголовно-процессуального конфликта по отдельности не представляется возможным; 2) важнейшей характеристикой участников уголовно-процессуального макроконфликта является «социальная сила» как потенциал действия или угрозы действия относительно другой социальной группы для достижения собственных целей в конкретных условиях, которая является переменной величиной, зависящей от нескольких групп социальных факторов, а именно от:

— фактора человеческих ресурсов силы, а именно количества индивидов из числа населения данного государства, как молча одобряющих, поддерживающих властные структуры, так и активно сотрудничающих с ними в сфере уголовно-процессуальных отношений;

— законотворческого фактора — важнейшего фактора социальной силы государства;

— фактора компетентности судей, прокуроров, следователей, дознавателей;

— фактора материальных ресурсов.

Деятельностный элемент внешней стороны уголовно-процессуального конфликта представлен конфликтным поведением (совокупность действий, направленных на реализацию целей и удовлетворение интересов участников конфликта), которое, в свою очередь, может быть охарактеризовано его стратегией и тактикой. Стратегии поведения в уголовно-процессуальном конфликте, в свою очередь, можно разделить на два вида: поведение в конфликте может быть максимально эгоцентричным, сориентированным «на себя» («напористая стратегия») либо — ориентированным на сотрудничество с иными участниками конфликтного взаимодействия («стратегия кооперации»).

Выбор стратегии конфликтного поведения прямо влияет на его тактику. Допустимыми тактиками конфликтного поведения можно признать тактику давления, тактику применения санкций, тактику демонстративных действий, тактику фиксации позиции, тактику дружелюбия, тактику сделки.

Наконец, *четвертый параграф* четвертой главы «Конфликтогенные факторы уголовно-процессуальных конфликтов — их внутренняя сторона» рассматривает мотивационную сторону уголовно-процессуальных конфликтов, которая представлена целями, интересами сторон конфликта и средствами их реализации. Исходя из этого, все уголовно-процессуальные конфликты делятся на три группы: 1) конфликты целей; 2) конфликты интересов и 3) конфликты средств.

Конфликт целей возможен исключительно на микроуровне, как конфликт 1) личности и государства в лице уполномоченных органов и их представителей, удовлетворяющих общественные потребности, посредством реализации норм уголовно-процессуального права; 2) двух и более лиц, не являющихся представителями власти в уголовно-процессуальных отношениях. Это объясняется отсутствием цели уголовного процесса и единством цели уголовно-процессуального воздействия для общества и государства.

Конфликт интересов продиктован иными социальными потребностями, нежели конфликт целей, а поэтому здесь можно говорить и о потенциальном макро-, и о микроконflikте. Причем его участниками могут стать не только личность и государство, но и общество как самостоятельный социальный актор, имеющий собственные интересы, отличные от государственных интересов.

Последний тип уголовно-процессуальных конфликтов — конфликт средств. Самым главным отличительным признаком уголовно-процессуального конфликта средств является то обстоятельство, что его субъекты не являются антагонистами — цель их участия в уголовном процессе и интересы, которыми они руководствуются, совершая те или иные процессуальные действия, полностью совпадают, а следовательно, такой конфликт может быть исключительно конфликтом микроуровня.

В **заключении** приведены выводы, сформулированные по результатам проведенного диссертационного исследования, определены перспективы дальнейшей разработки темы.

В **приложениях** к диссертации представлены материалы судебной статистики, результаты социологических исследований, а также аналитическая справка о результатах проведенного анкетирования различных групп респондентов по вопросам диссертационного исследования.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих работах:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. Диваев, А. Б. Злоупотребление правами участников судебного разбирательства уголовных дел в условиях состязательности / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Уголовная юстиция. — 2017. — № 10. — С. 35–42 (1,25 п. л.).

2. Диваев, А. Б. Предмет уголовно-процессуального регулирования / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Уголовная юстиция. — 2019. — № 14. — С. 39–44 (1 п. л.).

3. Диваев, А. Б. Понятие и содержание задач уголовно-процессуальной деятельности / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Общество и право. — 2019. — № 2. — С. 68–73 (0,75 п. л.).

4. Диваев, А. Б. Проблема правовой эффективности в уголовно-процессуальной науке: история вопроса и формирование научного направления / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2020. — Т. 26, № 3. — С. 71–78 (0,75 п. л.).

5. Диваев, А. Б. Механизм уголовно-процессуального социального воздействия / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Общество и право. — 2020. — № 3. — С. 26–32 (0,93 п. л.).

6. Диваев, А. Б. Уголовно-процессуальное право — средство воздействия на социальный конфликт / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Философия права. — 2020. — № 1. — С. 105–111 (0,93 п. л.).

7. *Диваев, А. Б.* Обращение к исполнению приговоров, определений, постановлений — завершающая стадия производства по уголовному делу / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Вестник Кузбасского института. — 2020. — № 1. — С. 149–159 (1,125 п. л.).

8. *Диваев, А. Б.* Обеспечение права на обжалование процессуальных действий и решений по уголовному делу в свете позиций Конституционного и Верховного Судов РФ / А. Б. Диваев, В. В. Николюк. — Текст : непосредственный // Уголовное право. — 2020. — № 3. — С. 125–133 (0,85 п. л. / 0,85 п. л.).

9. *Диваев, А. Б.* Уголовно-процессуальный конфликт: предпосылки возникновения, понятие и виды / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Сибирское юридическое обозрение. — 2021. — Т. 18, № 1. — С. 42–54 (1,7 п. л.).

10. *Диваев, А. Б.* Основания отмены и изменения судами апелляционной инстанции судебных постановлений, вынесенных по вопросам, связанным с исполнением приговора / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Вестник Кузбасского института. — 2021. — № 1. — С. 134–143 (1,0 п. л.).

11. *Диваев, А. Б.* Участники уголовно-процессуальной деятельности по исполнению приговора: функции и статус / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Вестник Кузбасского института. — 2021. — № 3. — С. 110–118 (0,7 п. л.).

12. *Диваев, А. Б.* К вопросу об эффективности применения и исполнения мер пресечения в уголовном процессе / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Вестник Кузбасского института. — 2023. — № 4. — С. 114–125 (1,19 п. л.) (K2).

13. *Диваев, А. Б.* Телеологические аспекты уголовно-процессуального воздействия / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2023. — Т. 18, № 6. — С. 141–159 (1,5 п. л.) (K1).

14. *Диваев, А. Б.* Теоретические основы эффективности уголовно-процессуального воздействия / А. Б. Диваев. — Текст : электронный // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. — 2023. — № 2. — С. 184–191 (0,875 п. л.).

15. *Диваев, А. Б.* Научное прогнозирование и эффективность уголовно-процессуального воздействия / А. Б. Диваев. — Текст : электронный // Baikal Research Journal. — 2024. — Т. 15, № 4. — С. 1466–1475 (1,125 п. л.) (K2).

16. *Диваев, А. Б.* Предмет и формы специально-юридического уголовно-процессуального воздействия / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — № 2. — С. 34–46 (1,19 п. л.) (K2).

17. *Диваев, А. Б.* Юридическое прогнозирование и эффективность уголовно-процессуального воздействия / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Уголовная юстиция. — 2024. — № 23. — С. 54–62 (1,4 п. л.) (K2).

18. Диваев, А. Б. Совершенствование системы мер принуждения, применяемых к осужденным в производстве по исполнению приговора: межотраслевой аспект / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Вестник Кузбасского института. — 2024. — № 2. — С. 132–142 (1,125 п. л.) (K2).

19. Диваев, А. Б. Уголовно-процессуальное право как средство социального управления / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Вестник Уральского юридического института МВД России — 2025. — № 3. — С. 93–100 (1,19 п. л.) (K2).

Монографии и учебные пособия:

20. Диваев, А. Б. Уголовно-процессуальные отношения: понятие и структура : монография / А. Б. Диваев, С. П. Брыляков. — Текст : непосредственный. — Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2012. — 70 с. (4,2 п. л. / 4,2 п. л.).

21. Диваев, А. Б. Основы теории доказательств в уголовном процессе : учебное пособие / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный. — Москва : Юрлитинформ, 2018. — 272 с. (15,4 п. л.).

22. Диваев, А. Б. Меры пресечения в уголовном процессе : теоретические основы: монография / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный. — Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. — 144 с. (8,4 п. л.).

23. Диваев, А. Б. Уголовный процесс: общая часть : учебное пособие / А. Б. Диваев, С. П. Брыляков. — Текст : непосредственный. — Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. — 246 с. (14,3 п. л. / 14,3 п. л.).

Иные публикации:

24. Диваев, А. Б. Уголовно-процессуальная деятельность и уголовно-процессуальные отношения / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. — Ч. 51. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2011. — С. 13–17 (0,2 п. л.).

25. Диваев, А. Б. Субъект уголовно-процессуального права и субъект уголовно-процессуального отношения: соотношение понятий / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей Всероссийской итоговой научно-практической конференции. — Ч. 55. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2012. — С. 23–28 (0,2 п. л.).

26. Диваев, А. Б. Взаимная деятельность (взаимодействие) субъектов как обязательный элемент уголовно-процессуального отношения / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Правовые проблемы укрепления российской госу-

дарственности : сборник статей. — Ч. 59. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2013. — С. 28–33 (0,2 п. л.).

27. Диваев, А. Б. Категории «уголовно-процессуальная деятельность» и «уголовно-процессуальные отношения» в науке уголовного процесса / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Вестник Кузбасского института. — 2015. — № 1. — С. 134–145 (1 п. л.).

28. Диваев, А. Б. Дифференциация формы уголовно-процессуального доказывания / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. — Ч. 71. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. — С. 36–41 (0,2 п. л.).

29. Диваев, А. Б. Внешняя и внутренняя уголовно-процессуальная форма / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Социальные процессы в современной западной Сибири : сборник научных трудов XVII Всероссийской научно-практической конференции. — Вып. 17. — Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2017. — С. 52–55 (0,2 п. л.).

30. Диваев, А. Б. Начало непосредственности в уголовном процессе: наследие прошлого или гарантия справедливого суда? / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. — Ч. 79. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2018. — С. 44–50 (0,3 п. л.).

31. Диваев, А. Б. Система мер пресечения в уголовном процессе нуждается в совершенствовании? / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции : в 2 т. — Т. I. — Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2018. — С. 195–200 (0,25 п. л.).

32. Диваев, А. Б. Уголовно-процессуальное право — средство предотвращения социального макроконфликта / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. — 2019. — Т. 1, № 1. — С. 192–198 (0,4 п. л.).

33. Диваев, А. Б. Понятие и содержание цели уголовного процесса (уголовно-процессуального права) / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. — Ч. 83. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. — С. 36–44 (0,45 п. л.).

34. Диваев, А. Б. Повышение эффективности применения дополнительных правоограничений при избрании мер пресечения в уголовном процессе Российской Федерации / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Преступление, наказание, исправление : сборник тезисов выступлений и докла-

дов участников IV международного пенитенциарного форума (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : в 10 т. — Т. 2. — Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. — С. 58–64 (0,3 п. л.).

35. Диваев, А. Б. Механизм уголовно-процессуального принуждения: поведенческий аспект / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции. — Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. — С. 127–130 (0,2 п. л.).

36. Диваев, А. Б. О зависимости типа уголовного процесса от социальной цели уголовно-процессуального права / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Право и правоприменение в современной России : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. — С. 277–281 (0,3 п. л.).

37. Диваев, А. Б. Соотношение цели уголовного процесса и цели уголовно-процессуального права / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. — Омск : Омская академия МВД России, 2020. — С. 22–25 (0,2 п. л.).

38. Диваев, А. Б. Конфликт целей в сфере уголовно-процессуального воздействия / А. Б. Диваев. — Текст : электронный // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. — 2021. — № 2. — С. 81–89 (0,7 п. л.).

39. Диваев, А. Б. К вопросу о заключительной стадии производства по уголовному делу / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Уголовно-процессуальное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского института ФСИН России. — Пермь : Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. — С. 20–25 (0,3 п. л.).

40. Диваев, А. Б. Уголовно-процессуальная правосубъектность / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Законодательство и практика. — 2021. — № 1. — С. 29–33 (0,2 п. л.).

41. Диваев, А. Б. Механизм социального уголовно-процессуального воздействия: постановка проблемы / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Теория и практика социогуманитарных наук. — 2021. — № 2. — С. 77–83 (0,3 п. л.).

42. Диваев, А. Б. Некоторые проблемы законодательного регулирования апелляционного обжалования судебных решений, вынесенных по вопросам,

связанным с исполнением приговора / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // V международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сборник тезисов выступлений и докладов участников форума, приуроченного к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий : в 9 т. — Т. 3. — Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. — С. 78–83 (0,4 п. л.).

43. Диваев, А. Б. Социальная природа уголовно-процессуального конфликта / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Законодательство и практика. — 2022. — № 1. — С. 58–59 (0,1 п. л.).

44. Диваев, А. Б. Понятие и содержание категории «эффективность правового воздействия» / А. Б. Диваев. — Текст : электронный // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. — 2022. — № 2. — С. 26–34 (0,8 п. л.).

45. Диваев, А. Б. Уголовный процесс как специальная форма реализации норм уголовного права / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Российская юстиция. — 2022. — № 10. — С. 34–41 (1 п. л.).

46. Диваев, А. Б. К вопросу о социальности права как отражении его активной природы / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Теория и практика социогуманитарных наук. — 2025. — № 3. — С. 103–113 (1,44 п. л.).

47. Диваев, А. Б. К вопросу об эффективности мер пресечения / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова. — Омск : Омская академия МВД России, 2024. — С. 143–146 (0,2 п. л.).

48. Диваев, А. Б. Антиконтфликтный потенциал уголовно-процессуального права и оптимизация предварительного расследования / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Преступность. Общество. Безопасность : сборник статей. — Ч. 1. — Москва : Академия управления МВД России, 2025. — С. 153–158 (0,3 п. л.).

49. Диваев, А. Б. Специально-юридическое уголовно-процессуальное воздействие: понятие и формы / А. Б. Диваев. — Текст : непосредственный // Преступность. Общество. Безопасность : сборник статей. — Ч. 2. — Москва : Академия управления МВД России, 2025. — С. 297–303 (0,3 п. л.).

Подписано в печать 12.03.2026

Усл. печ. л. 2,3
Тираж 150 экз.

Уч.-изд. л. 2,5
Заказ № 82

ОПиОП РИО Омской академии МВД России
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7